

Н. А. Лукава

ПРОЦЕСС 193-Х

По документам Куйбышевского городского музея краеведения

Реформы, проведенные царизмом в 60-х годах XIX века, лишь отсрочили решение тех задач, которые выдвигались всем ходом общественно-экономического развития страны. Коренные противоречия российской действительности, вызвавшие первый демократический подъем, сохранялись.

«Великий акт освобождения... — писали К. Маркс и Ф. Энгельс о реформе 1861 года,— создал не что иное, как лишь твердое основание и абсолютную необходимость будущей революции»¹.

Начался второй этап освободительного движения в России — разночинский, или буржуазно-демократический, который связан с деятельностью революционного народничества. Весной 1874 года демократическая молодежь двинулась в среду крестьянства, сделав попытку поднять его на социалистическую революцию против существующего строя. «Хождение в народ» было расцветом действенного народничества. Движение потерпело неудачу, так как у его участников не было опыта, отсутствовала конспирация, действовали они распыленно и неосмотрительно, им была присуща утопическая вера в возможность крестьянской социалистической революции.

Летом и осенью 1874 года произошли массовые аресты: в 37 губерниях было арестовано около двух тысяч человек², число обвиняемых составило 770, перед судом предстало 193 человека³. Суд над пропагандистами, готовившийся более трех лет и состоявшийся в Петербурге в октябре 1877 — январе 1878 года, вошел в историю под названием «Большой процесс», или «Процесс 193-х».

Среди подсудимых были видные деятели народнического движения: И. Мышкин, П. Войнаральский, С. Ковалик, А. Желябов, С. Перовская и другие.

В Куйбышевском областном музее краеведения хранятся документы, относящиеся к процессу 193-х. Прежде всего, это «Обвинительный акт по делу о революционной пропаганде в империи», напечатанный в качестве приложения к «Московским ведомостям» 1877 года, и «Приговор».

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, с. 144.

² См.: М. Г. Седов. Героический период революционного народничества. (Из истории политической борьбы). М., 1966, с. 62

³ См.: А. Тун. История революционных движений в России. Изд-во «Пролетарий», 1924, с. 96.

С обвинительным актом знакомил заключенных перед судом перво-присутствующий сенатор К. К. Петерс: в конце лета 1877 года он явился в тюрьму, где содержались арестованные пропагандисты, обошел все камеры и каждому вручил этот документ.

В «Обвинительном акте» дается подробная характеристика и официальная оценка революционной деятельности пропагандистов в период «хождения в народ» в различных частях России, в том числе и в Самарской губернии.

До 1873 года деятельность пропагандистов носила индивидуальный характер, а в начале 1873 года Н. В. Чайковским, окончившим Санкт-Петербургский университет, был основан первый революционный кружок¹. Под влиянием «чайковцев» и других кружков в Петербурге вскоре возникли новые кружки: артиллеристов, оренбуржцев и самарцев.

Кружок самарцев, или Городецкого, был основан в 1873 году приехавшими из Самарской губернии Львом Городецким и Павлом Чернышевым. Оба они, будучи воспитанниками Самарской гимназии, входили в кружок самообразования, возникший в 1872 году и принявший затем политическое направление.

Приехав в Петербург, Чернышев поступил в медико-хирургическую академию, а Городецкий намеревался поступить в технологический институт. Вместе с Бухом, студентом медико-хирургической академии, бывшим воспитанником Самарской гимназии, они стали устраивать сходки, на которых бывали студенты академии Никитин, Курдюмов, Н. Попов, Воронцов и крестьянин Комов.

На сходках обсуждались произведения Бакунина, под влиянием которых участники сходок признали, «что стремления народа вполне выяснены, и пришли к заключению о необходимости вести в народе пропаганду»².

Но надо отметить, что, откликаясь на импонирующие им положения Лаврова и Бакунина, члены кружка самарцев стремились критически отнестись к ним, избежать возможных крайностей и выработать самостоятельную программу деятельности³.

К весне 1874 года кружок самарцев окончательно слился с другими кружками. Главное внимание революционеры уделяли пропаганде в восточной полосе России, в приволжских губерниях, которые, по мнению народников, были «классическою страной бунтов и возмущений»⁴.

Весной 1874 года самарцы двинулись в народ, и почти все они отправились в Самарскую губернию, где слились с местным революционным кружком.

Пропаганда среди крестьян велась более чем в 15 селениях Самарской губернии.

В губернии существовало два центра революционной деятельности. Первый был в городе Николаевске, где революционной пропагандой са-

¹ КОМК, ф. осн. № 12701, с. 1.

² Там же, с. 25.

³ См.: Р. В. Филиппов. Из истории народнического движения на первом этапе «хождения в народ» (1863—1874). Петрозаводск, 1967, с. 204.

⁴ КОМК, ф. осн. № 12701, с. 2.

Братья Бодяжины (слева — Роман Андреевич).

моотверженно занимались местный земский врач А. А. Кадъян, член киевского кружка Н. К. Судзиловский и дворянин И. Ф. Речицкий-Логинов. Квартира Кадъяна служила сборным пунктом для пропагандистов. Он способствовал устройству своих единомышленников на работу. Так, по рекомендации Кадъяна Судзиловский был назначен земской управой на должность фельдшера в село Пестравка, а Речицкий-Логинов получил должность сельского писаря в селе Порубежка.

На имя В. Ф. Штемпелина, провизора земской аптеки в Николаевске, адресовались письма к пропагандистам.

Другим центром революционной деятельности в Самарской губернии была Самара, где существовало два кружка: один образовался из кружка «саморазвития», другой был основан П. И. Войнаральским. Между кружками установилась тесная связь.

Осенью 1873 года в кружок «саморазвития» вошли В. Н. Боголюбова, воспитанница Самарской женской гимназии; И. И. Беляков, писец уездной земской управы, крестьянин села Каменка; С. Н. Дегтярев, писец губернской земской управы, крестьянин с. Кротовка; Р. А. Бодягин, крестьянин села Малый Толкай.

Трое последних, а также П. Э. Александров и гимназист Е. Е. Лазарев оказались наиболее энергичными и деятельными членами кружка.

Поддерживались постоянные контакты с Петербургом. Одновременно делались первые шаги по налаживанию связей с крестьянами. В этом отношении члены кружка предполагали опереться на Р. Бодягина, постоянно жившего в селе.

К Бодяжину в Малый Толтай с запиской от Городецкого приезжала Н. А. Юргенсон, которая некоторое время жила в селе, беседовала с крестьянами. Юргенсон прибыла в Самару из Пензы для предупреждения Войнаральского о грозившей ему опасности. В середине июля она вместе с ним отправилась в Ставропольский уезд.

На основании изложенных в «Обвинительном акте» фактов обвинялись «в том, что составили и принимали участие в противозаконном сообществе, имевшем целью в более или менее отдаленном будущем ниспровержение и изменение порядка государственного устройства»¹ — И. И. Беляков, Р. А. Бодягин, П. И. Войнаральский, Л. С. Городецкий, С. Н. Дегтярев, А. И. Желябов, А. А. Кадьян, П. В. Курдюмов, Н. Е. Петропавловский, С. Л. Перовская, Н. А. Юргенсон и другие.

Войнаральский, Городецкий, Кадьян, Петропавловский, Юргенсон и другие обвинялись также «в том, что распространяли сочинения, имевшие целью возбудить к бунту или явному неповиновению власти верховной». А Войнаральский — еще и в том, что участвовал в составлении, печатании и рассылке «с целью распространения» сочинений, призывающих «к бунту или явному неповиновению власти верховной».

Заканчивается «Обвинительный акт» словами: «Вследствие сего все вышепоименованные обвиняемые, согласно § 2 закона 7 июня 1872 г., предаются суду особого присутствия Правительствующего Сената, учрежденного для суждения дел о государственных преступлениях».

Сенат рассмотрел данные о революционной пропаганде в империи, «добытые как предварительным, так и судебным следствием», после чего был вынесен приговор.

Лица, признанные особым присутствием сената виновными (Войнаральский, Осташкин, Городецкий, Юргенсон и другие), приговаривались к разным срокам тюрьмы, каторги и ссылки, а часть подсудимых, привлеченных «в качестве обвиняемых в государственных преступлениях», оказались «невиновными по настоящему делу». Среди них — С. Л. Перовская и А. И. Желябов, впоследствии видные народовольцы, казненные за участие в покушении на царя в 1881 году, и члены кружков, действовавших в Самарской губернии, — Бодягин, Кадьян, Петропавловский. Из 193 подсудимых наказаниям было подвергнуто 100 человек, 90 были оправданы, трое умерли во время суда.

Интересно, что экземпляр «Приговора», хранящийся в музее, был выдан члену самарского кружка «саморазвития» Р. Бодягину, о чем сообщается в конце документа: «Настоящая копия выдана из Канцелярии Особого Присутствия Правительствующего Сената, за надлежащим подписом и приложением казенной печати, крестьянину Роману Андрееву Бодягину. Февраля 15 дня 1878 г.»

В этот день, 15 февраля 1878 года, был объявлен в окончательной форме приговор особого присутствия, который был оглашен на заседании 23 января.

Музейный экземпляр — одна из копий, вручавшихся подсудимым после оглашения приговора в открытом судебном заседании.

¹ КОМК, ф. осн. № 12701, с. 80.

С именем Р. А. Бодяжина связано еще несколько документов, относящихся к процессу 193-х. Содержавшиеся в «Приговоре» сведения об оправдании Бодяжина подтверждаются «удостоверением» от 27 января 1878 г. за подписью первоприсутствующего сенатора Н. К. Ренненкампфа: «Первоприсутствующий Особого Присутствия Правительствующего Сената сим, с приложением казенной печати, удостоверяет, что резолюциею Особого Присутствия, состоявшегося 18 октября 1877 г., обвинявшийся в государственном преступлении 23 января 1878 г. крестьянин Самарской губ. села Малого Толкай Роман Бодяжин признан по суду оправданным». В левом нижнем углу документа — пометка «На родину».

В документе от 8 декабря 1877 года (вероятно, это расписка) сообщается о взыскании денег с брата Р. Бодяжина: «...согласно предписания Самарского Губернатора от 11 ноября 1877 г. за № 5495 и предписания Уездного Исправника 14 ноября за № 2382 взыскано с крестьянина села Малый Толкай Назара Андреева Бодяжина нераздельного брата Романа Бодяжина в уплату употребленных на отправку Бодяжина всего сто тридцать руб. восемь коп. (113 руб. 8 коп.)»¹.

Возможно, эти деньги были использованы для отправки Р. А. Бодяжина на суд.

Вызывает интерес и письмо от 8 января 1879 года из Санкт-Петербурга, адресованное Бодяжину. Автор письма неизвестен (подпись неразборчива), но, вероятно, он имел какое-то отношение к судебному процессу, что видно из содержания письма. В нем есть слова: «По поводу писем Ваших о неправильно взысканных с Вас деньгах я действительно отвечал Вам простым письмом, которое вероятно затерялось»².

Не те ли это деньги, которые были использованы на отправку Р. А. Бодяжина?

Автор также сообщает о присылке приговора по делу Бодяжина: «...прилагаю и приговор по Вашему делу»³.

Можно смело предположить, что это тот самый «Приговор» по делу 193-х, экземпляр которого предназначался для Р. А. Бодяжина и о котором уже говорилось выше.

Рассмотренные документы процесса 193-х раскрывают деятельность революционеров второго этапа освободительного движения в России в период «рождения в народ». Число революционеров, привлеченных к суду, говорит о массовости этого движения. «Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом»⁴.

Процесс произвел сильное впечатление на широкие слои русского общества, что выражалось в росте симпатий к подсудимым, в активизации революционных сил, явился фактором, ускорившим переход народников от анархистского аполитизма к политической борьбе с царизмом.

¹ КОМК, ф. осн. № 12702.

² Там же.

³ Там же.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. т. 21, с. 261.